

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Banická dedina Žakarovce. Bratislava, Vydavateľ'stvo Slovenskej Akadémie Vied, 1956, 666 стр.

Институт этнографии Словацкой Академии наук опубликовал в 1956 г. коллективную работу «Горняцкая деревня Жакаровце» — первый опыт этнографического исследования быта рабочих в Чехословакии.

Буржуазные этнографы Чехословакии признавали единственным носителем национальной культуры крестьянство. Между тем в Чехословакии, индустриально развитой стране, не только население городов, но и значительную часть населения деревень составляли рабочие, занятые в промышленности. Быт и культуру этой огромной части населения невозможно оставить без внимания при этнографических исследованиях.

В настоящее время изучение быта и культуры рабочих считается в Чехословакии одной из самых актуальных задач этнографической науки. Монографии на эту тему подготавливаются рядом этнографических учреждений страны.

Словацкие этнографы выбрали объектом исследования небольшой поселок Жакаровце, расположенный в восточной части словацкого рудного района (Спишский железорудный округ).

Исследование охватывает в основном вторую половину XIX — начало XX в. с экскурсами в отдельных случаях в более глубокое прошлое; авторы характеризуют и современную культуру и быт населения Жакаровце.

Для лучшего понимания того, как складывались формы культуры и быта жакаровских горняков, мы вкратце охарактеризуем по материалам монографии историческое развитие этого горняцкого поселка.

* * *

Жакаровце — типичная словацкая горняцкая деревня, исторические судьбы которой характерны для истории развития рабочего класса Словакии. Словацкий рабочий класс формировался в горнодобывающей промышленности. Он возник и длительно развивался в условиях феодально-крепостнического строя. Горняцкие кадры складывались главным образом за счет населения земледельческо-скотоводческих районов горной Словакии. Само образование многих деревень Спишского железорудного округа (в том числе и Жакаровце) связано с развитием горного промысла. Первоначальным занятием населения было снабжение лесом и углем находящихся поблизости рудных разработок. Позже, с развитием горной промышленности, крестьяне уже непосредственно включились в горняцкое дело. Помимо работы в рудниках своего феодала и на мелких бюргерских шахтах, они добывали руду и в собственных копиях способом открытой разработки. В таких копиях работали члены одной семьи или нескольких объединившихся для этого семей. Техника добычи была крайне примитивной.

Работа на рудниках неизменно сочеталась с земледелием, которым занимались преимущественно женщины. Непрерывающиеся связи с сельским хозяйством были обусловлены ходом исторического развития горной промышленности в Словакии — чередованием периодов ее подъема с периодами резкого упадка¹, когда население вновь обращалось к сельскому хозяйству как основному источнику существования. В таких условиях складывался характерный тип рабочего-полукрестьянина, получившего название «*kovopolník*» (дословно — металлист-крестьянин).

С развитием буржуазных отношений, уже в XVIII в., мелкое крестьянское предпринимательство (эйгенлонерство) было вытеснено системой капиталистического предпринимательства: бывшие частные собственники мелких копей (крестьяне) уступают свои права более крупным предпринимателям и работают у них уже в качестве наемных рабочих.

Наибольшего подъема горная промышленность достигла к концу XIX в., когда местные горнозаводские предприятия, прежде распыленные, были объединены в крупные промышленные концерны. Это сопровождалось введением более высокой техники производства и огромным спросом на рабочую силу, притом на постоянную рабочую силу. Формировался таким образом пролетариат, основным источником существования которого становилась работа на производстве.

Период этот, однако, был недолговременен. В 20—30-е годы нынешнего века (в период буржуазной республики) он сменился, в связи с общим промышленным кризисом, полным упадком горнодобывающей промышленности в Словакии, ликвидацией почти всех рудников, в том числе и находившихся в Спишском железорудном округе. Наступившая безработица вызвала эмиграцию мужчин за границу в поисках работы или уход их в другие отрасли промышленности; остальное население было вынуждено вновь обратиться к своему испытанному занятию — мелкому крестьянскому хозяйству.

Разрушенные во время второй мировой войны рудники в Жакаровце и сейчас работают далеко не в полную силу. Однако новые исторические условия, созданные победой

¹ Так, расцвет горного дела в XVI в., вызванный спросом на руду во время оборонительной борьбы с турками, сменился в XVII—XVIII вв. длительным периодом упадка (вследствие феодальных усобиц, эпидемий и т. д.).

народно-демократического строя, открывают широкие перспективы для быстрого возрождения и дальнейшего развития здесь горнорудного дела.

Особенности исторического развития горной промышленности Словакии (преимущественное размещение ее в сельских местностях, распыленность предприятий, связь рабочего населения с землей) во многом определили своеобразие культуры и быта горняков, обусловили сохранение в их быту многих черт деревенского уклада жизни. Все это уже не характерно для современных предприятий, расположенных в крупных промышленных центрах, с постоянным составом рабочих. Поэтому вопросы, затрагиваемые в монографии, далеко еще не определяют всех методов подхода к сложной проблеме изучения культуры и быта рабочих.

Коллектив словацких этнографов начал работу в Жакаровце в 1953 г. Был собран обширный полевой и архивный материал, освещающий в историческом развитии различные стороны быта обитателей поселка. При этом каждый из участников коллектива разрабатывал отдельную этнографическую тему.

Исследование открывается статьей Б. Филовой «Общественные и родственные отношения», имеющей в значительной мере программный характер. Рассматривая основные линии исторического развития горняцкой деревни Жакаровце, Б. Филова выдвигает ряд вопросов, важных для понимания процессов складывания культуры и быта горняков. Исторический очерк охватывает жизнь горняцкой деревни с момента ее возникновения (начало XIII в.) до настоящего времени. Особенно подробно освещается период капиталистической концентрации промышленности и процесс формирования пролетариата.

Конец XIX — начало XX в. (вплоть до первой мировой войны) — период наибольшей занятости местного населения в рудничном деле. Земледелие отодвигается на задний план. Это хорошо показано в приводимой Филовой таблице, составленной по данным местных метрических записей о рождении (стр. 28). Из таблицы видно, что с 1896 г. все мужчины в Жакаровце были заняты в горном деле. В работу на рудниках широко вовлекаются и женщины, жестоко эксплуатируется детский труд.

Автор отмечает ту роль, которую сыграл в общественном и семейном быту жителей Жакаровце усилившийся в связи с расширением местных горнозаводских предприятий приток пришельцев из городов и промышленных центров Австро-Венгрии, Польши и Румынии, среди которых было много высококвалифицированных рабочих. В связи с этим автор статьи ставит вопрос о культурно-бытовом взаимодействии различных групп населения. Не менее важны и отмеченные Б. Филовой связи жакаровских горняков с рабочими соседних промышленных центров (Кромпахи, Гелнице, Праковце). Эти связи содействовали пробуждению классового самосознания местных рабочих, росту их политической активности.

Большое внимание уделяет Б. Филова современному периоду, когда в связи с социалистическим строительством в жизни горняцкой деревни происходят крупнейшие социально-экономические и культурные изменения.

В очерке Филовой, таким образом, намечены основные линии всего исследования, правда, не всегда в достаточной мере раскрытые.

Авторы монографии не ограничиваются исследованием прошлого, но и ставят своей целью изучение тех изменений, которые происходят в современном быту. Исследователи ставили перед собой также задачу — показать на этнографических материалах местное происхождение словацкого рабочего класса и тем самым опровергнуть утверждения буржуазных историков, будто рабочий класс Словакии — результат иноземной колонизации, главным образом немецкой.

Проследивая ход развития культуры и быта горняцкого поселка в прошлом, авторы сосредотачивают свое внимание преимущественно на периоде развития капитализма, на вопросах о специфике формирования культуры рабочего класса, ее связях с культурой и бытом других социальных слоев города и деревни и ее отличиях от них.

В монографии собственно этнографическому исследованию предпосланы главы, касающиеся социально-экономических отношений горняцкой деревни. Так, в отношении XVIII и первой половины XIX в. вопросы эти хорошо освещены в главе «Жакаровце в прошлом» (автор И. Марков), написанной на основе обширного архивного материала. Эта же проблема в период с конца XIX до середины XX в. рассматривается в главе о сельском хозяйстве (автор Я. Подолак). Важны, в частности, приведенные Я. Подолаком материалы о состоянии сельского хозяйства в Жакаровце к концу XIX в.: из таблицы распределения земли видно, что 93,4% земельных собственников владело участками до 2 га (из них 32,6% имело лишь 0,5 га земли), на которых возделывался главным образом картофель. Все это, безусловно, говорит о том, что сельское хозяйство было подсобным занятием населения Жакаровце².

Специальная глава посвящена истории горняцкого дела (автор Я. Паткова). Опираясь на архивные материалы, автор проследживает историю развития техники добычи руды в Жакаровце и описывает условия труда, в частности женского и детского.

² Земледелие велось на крайне низком техническом уровне (до последнего времени можно было встретить деревянный плуг, соху, деревянную борону и т. д.). Относительно примитивным было и пастбищное скотоводство, главным образом разведение овец, хотя оно имело здесь прочные традиции, связанные еще с валацкой колонизацией.

Таким образом, в монографии дается широкая картина экономического состояния горняцкой деревни, ее хозяйственного уклада.

Основное место в книге отведено характеристике различных сторон материальной культуры населения Жакаровце³. Обстоятельно разработана глава о народном жилище. Автор этой главы Я. Мяртан дает историю заселения поселка и изменения его планировки в связи с развитием социально-экономических отношений. Он устанавливает несколько этапов в развитии поселка: 1) период появления первых поселенцев — угольщиков и лесорубов, ставивших разбросанные хутора; 2) период расцвета феодальных отношений, когда в Жакаровце преобладали довольно правильно располагавшиеся по обе стороны реки дворы крепостных крестьян, уже работавших и на рудниках; 3) капиталистический период, когда с резким ростом населения Жакаровце превратилось в кучевое, неправильной формы поселение.

При описании жилищ Я. Мяртан также пытается показать их развитие. Но, к сожалению, в этом разделе он не придерживается периодизации, связанной с социально-экономической историей деревни. Автор описывает жилище, идя от простейшего к сложному, и берет в основу своей классификации только планировку жилища (одно-, двух-, трехкамерное и т. д.). Свое изложение он начинает с наиболее примитивных видов жилищ, служивших временными убежищами для пастухов и еще недавно встречавшихся в Жакаровце. Эти шалаши или полуземлянки Я. Мяртан считает первоначальной формой жилища в Жакаровце. Однако подобная постановка вопроса, заставляющая все развитие жилища рассматривать как непрерывную цепь форм, развивающихся от простейших к сложным, упрощает и обедняет действительно происходившие процессы. Нам представляется, что было бы более плодотворно на основании данных современного жилого фонда проследить развитие жилища в Жакаровце на протяжении XIX—XX вв. Это позволило бы выделить наиболее старые традиционные жилища и жилища более позднего времени и при этом не только увидеть изменения, происходившие в конце XIX—начале XX в. (например, изменения в системе отопления, бытовом использовании отдельных помещений и т. д.), но попытаться их объяснить. В частности, автор, как нам кажется, недооценивает городское влияние, усилившееся во второй половине XIX в. в связи с развитием капитализма.

Вместе с тем при описании отдельных составных частей жилища Я. Мяртан излагает материал далеко не формально. Он рассматривает жилище как хозяйственно-бытовой комплекс, подробно изучая его бытовое использование, связывая его с жизнью обитателей. В частности, появление таких жилищ, как «двойные» и «длинные» дома (что характерно и для других районов Словакии), автор объясняет усилившимся в конце XIX в. разложением большой семьи. Он подробно описывает и так называемые «колонины», т. е. дома, построенные предпринимателями для приехавших рабочих и их семей, а также новые типы домов в Жакаровце, строящиеся в настоящее время.

Особый раздел главы отведен хозяйственным постройкам в Жакаровце, небольшое количество видов которых свидетельствует о далеко уже не крестьянском характере поселка. Много внимания уделяет автор технике сооружения жилых и хозяйственных построек, внешнему и внутреннему украшению жилища, его мебелировке и т. д.

Народной одежде посвящена глава, написанная С. Ковачевичовой, собравшей богатый полевой и архивный материал. Она не только приводит описание одежды разных поколений, но и сравнивает отдельные ее части с народной одеждой различных областей Словакии и по типу одежды объединяет Жакаровце с другими деревнями Нижнего Спиша.

Чехословацкие этнографы при изучении народной одежды вплоть до недавнего времени интересовались лишь праздничным костюмом, наиболее богатым по разнообразию форм. С. Ковачевичова, отказавшись от этой традиции, рассматривает все виды одежды, причем будничному костюму, как мужскому, так и женскому, уделяет наибольшее внимание. Превосходны публикуемые автором фотоснимки костюмов, чертежи покроев, рисунки. Хотелось бы лишь возразить против самой системы изложения. С. Ковачевичова начинает описание с развития отдельных составных частей одежды, не дав читателю предварительно представления о костюме населения в целом. Это затрудняет понимание тех общих изменений, которые претерпел народный костюм.

Обращаясь к периоду конца XIX—начала XX в., С. Ковачевичова подчеркивает, что развитие мужской и женской одежды в это время шло по двум разным путям: женская традиционная одежда оказалась более стойкой и сохраняла свои формы, старая же мужская одежда была вытеснена городским костюмом. Автор объясняет это двойственным характером занятий населения Жакаровце, при котором женщины, занятые в земледелии, оставались носительницами крестьянских традиций и в костюме. Однако приведенный в главе материал показывает, что такого резкого различия в путях развития женской и мужской одежды не было. С ростом капиталистических отношений не только мужской, но и женский костюм подвергся изменениям: домотканнина заменялась покупными тканями, упрощался и покрой одежды. Таким образом,

³ К сожалению, следует отметить, что к исследованию не привлечены материалы, характеризующие общее состояние культуры деревни (в частности, народного образования) в его историческом развитии, а между тем использование этого материала позволило бы авторам глубже и всестороннее осветить происходившие в быту процессы.

женская и мужская одежда развивались в одном направлении, да и мужской костюм в Жакаровце был вытеснен городским уже сравнительно поздно, в годы первой буржуазной республики, в связи с массовым уходом мужчин в чужие края на заработки.

С. Ковачевичова явно недооценивает влияние города на костюм жакаровчан, усилившееся как раз в рассматриваемый ею период. Более того, город в ее изложении выглядит как нечто совершенно чуждое населению Жакаровца не только с этнической точки зрения (города Спишского округа уже в средние века подверглись немецкой колонизации), но и с точки зрения классовой. Город рассматривается автором как нечто единое, тогда как городское население в социальном отношении было разнородно, причем значительную его часть составлял пролетариат. Какие влияния просачивались из города в деревню и просачивались ли они вообще, остается неясным.

У С. Ковачевичовой очень сильна тенденция выводить все изменения в народном костюме непосредственно из условий труда, характера производства и т. д. Развитие одежды не ставится ею в связь с изменениями бытового уклада горняцкой деревни, с изменением духовного облика населения, появлением новых потребностей и вкусов. Автор не ставит этих вопросов, в силу чего и поднятый им важный вопрос о причинах длительного сохранения в Жакаровце национальных форм одежды остался по существу невыясненным.

Удачно в целом написана глава о народной пище (автор М. Маркуш). Приведенный здесь материал отражает изменение хозяйственного уклада населения Жакаровца. Со второй половины XIX в., когда денежный заработок рабочих-горняков стал главным источником существования семьи, жакаровчане стали готовить пищу большей частью из покупных продуктов; расширилось и употребление чая, сахара, кофе. Автор рассматривает также виды и формы хозяйственной утвари, ярко свидетельствующие о том, какое большое влияние оказал город на материальный быт горняцкого поселка, хотя прямо об этом в главе не говорится. Большое место в книге уделено обычаям и обрядам, верованиям, народному творчеству. При монографическом изучении культуры и быта материал этот в высшей степени ценен, он раскрывает уклад жизни населения, его нравы, культурный уровень и т. д.

Анализу обрядового материала посвящена глава «Обычаи и народная медицина». Автор главы Е. Чаянкова характеризует все стороны обрядовой жизни, подчеркивая при этом, что обряды и обычаи жакаровчан носят ярко выраженный восточно-словацкий характер. В этом она видит одно из доказательств того, что коренное население Жакаровца было словацким. Волна поздних пришельцев, этнически неоднородная, не оказала, по наблюдениям Чаянковой, сколько-нибудь заметного воздействия на прочные жакаровские традиции.

Религиозно-обрядовая жизнь характеризуется в главе за период последних 50 лет. Изучением охвачен, таким образом, длительный отрезок времени, отмеченный большими общественными переменами. Е. Чаянкова выделяет три периода в развитии народной обрядности: до первой мировой войны, между двумя мировыми войнами и после второй мировой войны. Однако перечислением этих периодов дело и ограничивается. Фактический материал излагается автором статично. Каково направление тех изменений, которые происходят в указанные периоды в религиозно-обрядовой жизни населения, остается невыясненным. В значительной мере это происходит оттого, что автор рассматривает коллектив деревни как совершенно однородный, не выделяя отдельных слоев и возрастных групп населения.

Для уяснения поднятых в главе вопросов многое могло бы дать изучение обрядов, относящихся по времени их бытования к разным периодам. Такое историческое изучение, проведенное дифференцированно, т. е. среди представителей разных социальных слоев и возрастных групп, помогло бы выявить сдвиги и изменения, происходящие в религиозно-обрядовой жизни жакаровчан. При этом, несомненно, отчетливее вскрылись бы причины сохранения тех или иных пережитков в наши дни.

Автор касается вопроса о судьбах календарной обрядности, имеющего большое значение для понимания процесса ломки старого крестьянского мировоззрения. К сожалению, описание календарной обрядности дается в статье не по циклам, а по григорианскому календарю. Вследствие этого один из важнейших календарных циклов — святочный (декабрь — январь) — оказывается разорванным. Между тем только при изучении полного обрядового комплекса может быть правильно вскрыт смысл обрядовых действий и тем самым более четко уяснены те процессы, которые происходят в обрядовой жизни. Насколько можно судить по приведенным автором материалам, календарная обрядность сохранилась в Жакаровце лишь в отдельных ее элементах, основным же является церковно-христианское содержание праздника.

Принятый Е. Чаянковой метод описания обрядности повлек за собой неправомерное включение в одну рубрику разных по своему характеру и традициям обычаев (в один ряд с календарными обрядами включены обычаи при проводе рекрутов, шахтерские празднества и т. д.). Между тем материал, освещающий жизнь села в целом, нравы и обычаи, характер досуга людей разных поколений в различные периоды, взаимоотношения между местным и пришлым населением и т. д., мог бы составить отдельный и весьма важный раздел.

Крупным достоинством монографии является привлечение к исследованию материалов устного народного творчества. Жакаровце, отличающееся богатой и живой фольклорной традицией, представляет в этом отношении благодарную почву.

Специальная глава посвящена прозаическим жанрам фольклора. Автор этой главы М. Косова дает характеристику наиболее распространенных и типичных для поселка видов прозаического фольклора. Самый старый его слой составляют демонологические предания и сказки. Рассказы о сверхъестественных силах — «водяной бабе», «водяном хлопце», «стригах», «мамуне» и т. п. до настоящего времени широко распространены среди населения, особенно женской его части. Горняки дополнили эту галерею демонологических фигур представлениями о духах земли так называемых «пермоницах» (карлики-гномы). Это, по горняцким поверьям, «маленькие хлопцы, одетые в красное, с большими красными шапками». Они владеют подземными богатствами и за то, что отдают их горнякам, требуют от них соблюдения в шахтах тишины; если этот запрет нарушится, то гномы уходят из шахты, а вместе с ними исчезает и руда (обычно горняки избегали петь и громко говорить в шахтах). Интересно, что параллели к этим преданиям мы находим в старом фольклоре уральских горняков (такова, например, легенда о «полозе»).

К числу современных жанров прозаического фольклора автор относит устный сказ: воспоминания отдельных лиц о прошлом, об условиях жизни и труда горняков и т. д.

Следует отметить, что М. Косова не склонна любой рассказ, как бы он ни был интересен в общественном плане, причислять к явлениям художественной культуры. В этом отношении вполне правильны ее теоретические взгляды. Однако среди приведенных ею образцов устного сказа, как произведений фольклорных, мы не находим ни одного, который по праву мог бы быть отнесен к области народного поэтического творчества (см. стр. 506—512). Трудно себе представить, чтобы такие бессюжетные, не получившие четкой художественной формы рассказы могли бытовать в народе.

Любопытны приведенные автором образцы горняцкого юмора. Это рассказы о различных событиях жизни; в них зачастую с значительной долей горькой иронии раскрывается тяжелая жизнь горняков в прошлом.

Таким образом, в главе приведен большой материал, и в этом ее бесспорное достоинство. Трудно, однако, согласиться с общим теоретическим положением М. Косовой о «двух системах фольклора» в Жакаровце — крестьянской и рабочей, обусловленных, по мнению автора, двойственностью экономической базы поселка. Из собранного самим автором материала видно, в каком постоянном и тесном взаимодействии находился традиционный (крестьянский) и рабочий фольклор. Вот почему более правильной нам представляется точка зрения С. Бурласовой, автора раздела о народной музыкальной культуре, которая рассматривает горняцкий фольклор в связи с общей фольклорной традицией поселка. Фольклор крестьянский, по утверждению автора, был собственностью жакаровского горняка в той же степени, как и песни с горняцкой тематикой. В понятие «рабочий фольклор» Бурласова включает, следовательно, не только произведения, созданные непосредственно горняцкой средой, но и то традиционное наследие, которым эта среда владеет. Отсюда возникает важная проблема, к сожалению, недостаточно подчеркнутая автором, — о роли рабочей среды в процессе идейно-эстетического отбора произведений народной классики.

В работе С. Бурласовой выявлено богатство песенной культуры Жакаровца. Весьма разнообразна народная лирическая песня: здесь и семейно-бытовые песни, песни рекрутские и песни острого социального содержания, например песни из «яношиковской» традиции. Особенно богата любовная лирика, что, по словам автора, вообще типично для словацкой народной песни. Своеобразен со стороны текста и мелодии цикл пастушеских песен, связанный здесь со старой валашской традицией. Широко бытует в Жакаровце и обрядовая поэзия, особенно свадебная; менее сохранился фольклор календарный, хотя отдельные прекрасные его образцы бытовали еще до недавнего времени.

Что касается горняцкой песни, то она составляет лишь небольшую часть песенного репертуара поселка. За исключением одной (№ 155), все записанные в Жакаровце песни с горняцкой тематикой — новейшего происхождения (начало XX в.). Ярko и правдиво рисуют они тяжелую жизнь горняка в прошлом. Один из излюбленных сюжетов таких песен — гибель молодого шахтера (см. № 153—162).

Автор подробно раскрывает условия бытования песни, приводит краткие биографии лучших певцов, а также делает попытку характеристики их репертуара по поколениям. Хотелось бы видеть здесь также перечни песенных репертуаров отдельных певцов и возрастных групп; это помогло бы отчетливее вскрыть те процессы, которые происходят в современной песенной культуре деревни (место и роль в народном быту традиционной песни, влияние на народную песенную культуру профессионально-музыкального творчества и т. д.).

В приложении к главе, что очень ценно, дается общий перечень записанных в Жакаровце песен (176 номеров) и образцы песен с их мелодиями.

Подводя итоги, следует высказать несколько общих соображений по поводу рецензируемой книги. Исследование это интересно по широте охвата явлений. В нем собран богатейший этнографический материал, и в ряде глав сделана серьезная попытка рассмотреть изучаемые явления в историческом разрезе. И все же книга не дает достаточно целостного представления об образе жизни, быте и культуре жакаровских горняков. В значительной мере это объясняется тем, что в ней отсутствует необходимая при монографическом исследовании связанность частей, позволяющая рассматривать явления в их взаимообусловленности. По существу книга представляет собой сборник статей, не всегда органически связанных друг с другом.

В исследовании недостаточно подчеркнута центральная проблема — выявление тех изменений, которые происходят в жизненном укладе деревни под влиянием развивающегося горнодобывающего промысла. Эта основная линия работы теряется в массе привлекаемого материала.

Постановка центральной проблемы требует привлечения большого сравнительного материала. Между тем историко-сравнительный метод широко используется авторами только при изучении ими старых элементов и форм культуры (например, для выяснения их общесловацкой основы). В отношении же вновь складывавшихся бытовых форм сопоставление с окружающей Жакаровце средой (крестьянской и особенно — городской) почти не проводится. В книге не говорится о том, каков был культурно-бытовой облик рабочих соседних, более крупных промышленных центров, например городов Гелнице и Кромпахи, с которыми Жакаровце искони поддерживало тесные связи. Не вскрыта и специфика быта отдельных групп населения Жакаровце, в частности пришлого, среди которого имелся значительный контингент квалифицированных и политически более сознательных рабочих. Все исследование проведено вне учета этих исторически складывавшихся культурно-бытовых взаимосвязей, в силу чего самый процесс развития культуры и быта рабочих оказывается в монографии обедненным. Правильно подчеркивая ведущую роль экономики, авторы, однако, недоучитывают значения других факторов общественной жизни, что приводит к упрощенному пониманию развития общества, к попыткам объяснить все изменения, происходящие в культуре и быте населения, непосредственно из развития производства, из экономики.

Существенным пробелом монографии является отсутствие специально разработанной темы о семье. Вопросы этого касается Б. Филова в своем вступительном очерке, однако она останавливается лишь на общем процессе изменения форм семьи; самый же характер внутрисемейных отношений не раскрыт автором на конкретном материале. Да это и трудно было сделать при сжатом и схематичном изложении вступительного очерка. Нам представляется, что тема семьи, являющаяся одной из важнейших при монографическом изучении быта, должна была стать предметом специального исследования и составить особую главу книги. Всестороннее изучение семьи помогло бы глубже и полнее показать процесс становления культуры и быта рабочего населения Жакаровце — задача, на разрешение которой направлена монография в целом.

Не вполне удалась авторам попытка проследить изменения, которые происходят в культуре и быту населения Жакаровце в результате победы народно-демократического строя. Это большая задача, сложность которой усугубляется тем, что за последние 40 лет Жакаровце, как отмечалось выше, перестало быть только горняцким поселком. В настоящее время более $\frac{2}{3}$ населения работает в других отраслях промышленности. Жизнь современного поселка стала неизмеримо сложнее, многограннее, что обусловлено рядом факторов — вовлечением населения в социалистическое производство, ростом культуры, образованием в рабочих семьях интеллигентской прослойки, значительно расширившимися по сравнению с прошлым связями с городом и промышленными центрами и т. д. Без учета всех этих явлений не может быть понята сущность происходящих в современном быту процессов.

С этой точки зрения следует признать, что современный период, схематически очерченный Б. Филовой в ее вступительном очерке, недостаточно разработан в последующих главах книги. Характеризуя возникновение тех или иных новых явлений, авторы ограничиваются большей частью простой констатацией фактов, не ставя их в связь с глубокими общественно-экономическими и политическими изменениями, которые происходят в наше время. Более того, авторы исключили из сферы своего внимания ту группу населения, которая не связана сейчас с горняцкой работой. А ведь это в основном молодежь, которая всегда более быстро усваивает все новое. В конечном счете общая тенденция развития современного быта оказалась в монографии недостаточно раскрытой.

Несмотря на отмеченные недостатки, неизбежные при каждом новом начинании, монография в целом представляет большой научный интерес. Словацкие этнографы проделали серьезную работу. Их бесспорной заслугой является то, что они смело взяли за новую, еще совершенно не разработанную проблему и сделали крупный вклад в этнографическое изучение жизни рабочих.

В. Крупнянская, Н. Грацианская

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

N. Datta-Majumder. *The Santal. A study in culture-change*, Calcutta, 1956.

В 1956 г. в Калькутте была издана работа известного индийского ученого Н. Датта-Маджумдера, являющаяся первой монографией о санталах — самом крупном народе группы мунда. До того основными источниками по культуре и быту этого почти трехмиллионного народа — потомков древнейшего населения Индии являлись отдельные небольшие статьи, рассеянные по различным изданиям.

Прежде большинство санталов жило на территории округа Сантал Паргана, в штате Бихар. Однако в результате грабительской политики английских колонизаторов